

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Погребальные обычаи Обдорскихъ Остяковъ.

Значительная часть Обдорскихъ Остяковъ крещена. Но крещеніе не оказываетъ большого вліянія на этихъ дикарей, которые наряду съ оставшимися въ язычествѣ свято чтутъ своихъ древнихъ боговъ, обращаются къ своимъ шаманамъ и соблюдаютъ религіозные обряды предковъ. Изъ всѣхъ этихъ обрядовъ наиболее живучи—похоронные. Крещеный или некрещеный безразлично хоронится по мѣстному языческому обряду. Даже если надъ Остякомъ совершено отпѣваніе священникомъ, то и тогда родственники покойнаго, по совершеніи обрядовъ православной церкви, производятъ все то, что требуетъ языческой остяцкой обычай. Поэтому такъ рѣдки у мѣстнаго православнаго духовенства случаи похоронныхъ требъ. Да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ похороны бывають по двумъ обрядамъ: православному и языческому. Только самое ничтожное меньшинство Остяковъ можетъ быть названо православными въ томъ смыслѣ, что они не только крестятся, но и хоронятся по православному обряду. Большинство же ограничивается только однимъ крещеніемъ. Причина такого различнаго отношенія къ обрядамъ изъ этихъ обрядовъ кроется въ своеобразномъ взглядѣ Остяковъ на крещеніе и на погребеніе.

На крещеніе Остяки смотрятъ какъ на своего рода принесеніе жертвы «Русскому Богу» (Русь Тѣрымъ). Крещеніе поэтому обуславливается всегда какинъ-нибудь случаемъ, при которомъ Остякъ далъ обѣтъ креститься самому или крестить одного изъ своихъ дѣтей. Приведу случай, со словъ одного Обдорскаго миссіонера. Приходитъ къ нему Остякъ и проситъ окрестить ребенка.—«А ты самъ-то крещеный?»—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ Остякъ.—«А жена твоя крещеная?»—«Нѣтъ, мы всѣ некрещены, у меня и дѣти остальные некрещены, только вотъ этого одного думаю окрестить».—«Что-жъ такъ?»—«Да, видишь-ли, батъва, пошелъ я недавно на охоту. Ходилъ, ходилъ—ничего промыслить не могъ. Я и давай молиться вашему Николаю-Богу: Никола-Богъ, пошли ты мнѣ хорошаго звѣря, ужъ я тебя уважу—крещу своего младшаго сына. Ну и дѣйствительно—помогъ Никола, послалъ добычу. Такъ вотъ я теперь и пришелъ къ тебѣ, батъва, крести моего сынишку, надо же обѣтъ исполнить».—«Нѣтъ, братъ, отвѣчаетъ ему миссіонеръ, у насъ этакъ не полагается. У насъ, вѣдь, мало того, чтобы крестить, а надо еще и о томъ позаботиться, чтобы ребенка научить, какъ вѣровать и молиться, а тутъ этого нельзя: чему-же ты будешь учить сына, когда ты и самъ-то некрещеный. Это у насъ можно вашимъ шайтанамъ жертвы приносить, а у насъ иначе. Ты долженъ самъ креститься съ женой, а потомъ я и

дѣтей окрещу». Задумался Остякъ.—«Нѣтъ, говорить,—самъ я не крещусь, потому— не къ чему».—«Ну, какъ хочешь!»—«Однако, батька, какъ ты полагаешь, вѣдь Никола-то пожалуй на меня осердится за то, что я не исполнилъ обѣта; ну, да я ему буду каждый годъ въ кружку рубль денегъ класть!»—«Это, братъ, напрасно, Богу твои деньги не нужны, не откупись»,—отвѣтилъ миссіонеръ и сталъ ему объяснять всю необходимость крещенія. Остякъ, однако, остался при своемъ.

Такимъ образомъ Остяки вообще не придаютъ почти никакого значенія крещенію, потому-что оно не соотвѣтствуетъ никакому изъ ихъ языческихъ обрядовъ и потому является для нихъ непонятнымъ. Что касается до погребенія, то тутъ дѣло другое; необходимость погребенія съ совершеніемъ извѣстнаго рода обрядовъ вытекаетъ изъ вѣры Остяковъ въ загробную жизнь, въ которой покойникъ будетъ нуждаться въ извѣстномъ матеріальномъ comfortѣ; слѣдовательно необходимо снарядить покойнаго такъ, чтобъ онъ и на томъ свѣтѣ не зналъ нужды. Затѣмъ покойный можетъ вернуться съ того свѣта, а этого Остяки очень боятся; въ виду чего необходимо посредствомъ разнаго рода заклинаній устранить возможность нежелательныхъ визитовъ покойнаго къ своимъ живымъ родственникамъ. Наконецъ самая смерть является, по мнѣнію Остяковъ, слѣдствіемъ гнѣва боговъ, и нужно узнать: за какой грѣхъ и за оскорбленіе какого бога постигла человѣка смерть. Такимъ образомъ погребальныя обряды Остяковъ съ ихъ точки зрѣнія имѣютъ безусловно практическое, значеніе, и ихъ необходимо соблюсти.

Понятно отсюда, какой интересъ имѣютъ эти обряды для уясненія религіозныхъ взглядовъ Остяковъ.

Какъ только умретъ Остякъ, всѣ выходятъ изъ дому, кромя одной или двухъ старухъ. Покойнаго накрываютъ чѣмъ нибудь, имущество его выносятъ на улицу, чтобы никто изъ входящихъ въ домъ, не могъ видѣть ни того, ни другого. Старухи, оставшіяся при покойномъ, перевязываютъ ему голову на-глухо платкомъ или тряпкой, иногда зашиваютъ шиломъ. Поверхъ платка къ глазамъ пришиваютъ серебряныя монеты. Покойнаго не обмываютъ.

Гробомъ большею частью служитъ лодка, которая раскалывается на двое: въ одну половину кладутъ покойнаго, а другая служитъ крышкой. Въ гробъ кладутъ съ покойникомъ оленью постель (шкуру), подъ голову шилокъ съ пинами (сапоги изъ оленьей шкуры шиломъ наружу). Въ гробъ же кладутъ часть имущества покойнаго, а именно: чашку, чайникъ, одежду, топоръ, ножъ. Если умерла женщина, то кладутъ шилокъ съ иглами, наперсткомъ, также и инструменты для выдѣлки мѣховъ, хотя-бы ихъ и не было у покойницы. Пищи въ гробъ не кладутъ.

Покойника кладутъ одѣтаго, надѣваютъ шапку поверхъ платка, руки кладутъ по швамъ. Когда покойника уже положили въ гробъ, то одна изъ старухъ обводитъ по его краямъ бѣличьимъ хвостомъ — 5 разъ для мужчинъ и 4 раза для женщинъ—и послѣ каждаго раза она дуетъ въ дверь «чтобы покойникъ не воротился».

Затѣмъ гробъ закрываютъ доской—цѣльной или соединенной,—часто половиной лодки и перевязываютъ веревками. Гробъ кладутъ на топоръ поперекъ того конца, гдѣ голова покойнаго.

Послѣ этого къ гробу подходитъ шаманъ или старуха, замѣняющая въ данномъ случаѣ шамана, беретъ за веревки и слегка приподнимаетъ гробъ. При этомъ шаманъ про себя спрашиваетъ, отчего умеръ покойный и перечисляетъ всевозможные грѣхи. Когда шаманъ попадетъ на тотъ грѣхъ, отъ котораго послѣдовала смерть, то гробъ «самъ собою опускается и плотно прилегаетъ къ полу, такъ-что никакими усиліями нельзя его оторвать». Рассказываютъ, что, если стараются его оторвать отъ полу, то рвутся крѣпкія плетенныя изъ оленьихъ ремней веревки, которыми обвязанъ гробъ; но гроба все-таки не поднять. Я лично такихъ случаевъ не видалъ.

Вопросы шаманъ предлагаетъ про себя, отвѣтъ-же объявляетъ вслухъ. Былъ случай, что старуха умерла за оскорбленіе Полуёйскаго шайтана. Не всегда однако

такіе грѣхи влекутъ за собою смерть: можно и откупиться. Такъ одинъ Остякъ умиловитѣль оскорбленное божество тѣмъ, что поже твовалъ ему халать, повѣсивъ его на священное дерево. Часто бываетъ, что другой шаманъ провѣряетъ перваго — при чемъ эта повѣрка даетъ всегда самыя блестящія результаты: показанія шамановъ сходятся всегда. Иногда бываетъ и такъ, что первый ничего не находитъ и не натывается на грѣхъ.

Относительно грѣховъ нужно замѣтить, что таковыми вообще считаются только такіе проступки, которые нарушаютъ права боговъ. Проступки-же противъ людей грѣхами не считаются. Такъ что Остякъ-убійца или воръ грѣшникомъ не считается. Само собою, что это не избавляетъ его отъ ответственности и отъ осужденія общественнымъ мнѣніемъ. *Fas* рѣзко отдѣлено отъ *ius*. Грѣхами считаются напр.: лжеприсяга (Остяки присягаютъ на медвѣжьей лапѣ; нарушившій клятву подвергается опасности быть растерзаннымъ медвѣдемъ), кража съ мертваго, кража у шайтана (Остяки оставляютъ приношенія на особыхъ мѣстахъ, посвященныхъ тому или другому божеству, вѣшаютъ напр. тесемки на вѣтвяхъ священныхъ деревьевъ или кладутъ пищу для ¹⁾ шайтана, неисполненіе обѣта даннаго божеству. Отъ грѣха можно откупаться жертвоприношеніями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ числу грѣховъ относятся и нѣкоторые проступки противъ половой нравственности: супружеская невѣрность и особенно кровосмѣшеніе и скотоложество. Такимъ образомъ остяцкій богъ не вмѣшивается въ людскія дѣла и предоставляетъ имъ жить, какъ они хотятъ. Божества требуютъ только, чтобы люди исполняли свои обязанности относительно его непосредственно: люди должны приносить ему жертвы, не должны ложно клясться его именемъ. Посредниками между богами и людьми являются шаманы. Если Остякъ согрѣшилъ, то боги его всегда могутъ простить за извѣстное жертвоприношеніе: не въ интересахъ бога быть злопамятнымъ и жестокосерднымъ, такъ какъ отъ этого хуже придется самому богу—онъ не получитъ ничего отъ грѣшника. При крещеніи эти взгляды переносятся и на христіанскаго Бога. Бываетъ въ томъ краю и обратное: православное населеніе усваиваетъ себѣ чисто остяцкіе взгляды, а иногда даже обращаются къ шаманамъ (очень рѣдко впрочемъ). Наблюдаютъ за неприкосновенностью своихъ правъ главнымъ образомъ второстепенныя божества: (кулль) рѣчные, озерныя, горныя дѣла. Эти господа особенно требовательны. Что-же касается главнаго бога—Торымъ, то, по мнѣнію многихъ Остяковъ, это божество никакихъ своекорыстныхъ претензій не имѣетъ, это божество недосягаемое, ни въ чемъ не нуждающееся, общее для всѣхъ народовъ, временъ и мѣстъ. Зато, кажется оно не имѣетъ и вліянія на судьбу людей, не наказываетъ и т. п. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ обрядовъ, о коихъ ниже, видно, что и это божество не такъ недоступно и безкорыстно.

Замѣчу здѣсь, что отвѣты Остяковъ по этому вопросу бывали часто противорѣчивы, такъ что вообще я не могъ себѣ составить яснаго понятія о природѣ Торымъ. По взглядамъ однихъ Остяковъ, Торымъ былъ безличнымъ существомъ, какъ у действова, по мнѣнію другихъ—просто первымъ богомъ среди другихъ второстепенныхъ. Первое воззрѣніе, повидимому, преобладаетъ; но при изученіи погребальныхъ обрядовъ видно, что Торыму приписываются нѣкоторыя чисто личныя свойства.

Вѣроятно въ похоронныхъ обрядахъ отразилось болѣе древнее политеистическое воззрѣніе, которое потомъ стало вытѣсняться другими взглядами, подходящими къ монотеизму и даже, какъ это ни странно,—къ деизму.

Послѣ исканія грѣховъ, гробъ выносятъ изъ дому. Выносить гробъ можетъ всякій: мужчина и женщина, родственникъ и посторонній. Время похоронъ не определено, чаще всего на другой день послѣ смерти. Для могилы выбирается всегда возвы-

¹⁾ Шайтанами зовутъ Остяцкихъ и Самоѣдскихъ боговъ мѣстные русскіе. У самихъ Остяковъ такого слова (татарскаго) нѣтъ. Главнаго бога Остяки зовутъ Торымъ; второстепенныхъ: кулль.

шенное мѣсто—холмъ. Могилы каждаго рода помѣщаются на одномъ владѣнцѣ. Каждый родъ¹⁾ имѣетъ свое кладбище. Если умереть чужеродецъ, то его хоронятъ гдѣ попало. Кладутъ гробъ всегда ногами на Сѣверъ, потому что именно на Сѣверѣ находится «патлажъ» (тьма, мракъ), загробное царство. О жизни въ этомъ патлажѣ Остяки имѣютъ весьма смутныя понятія (что конечно очень естественно). Достоверно только, что патлажъ находится на Сѣверѣ, что тамъ темно, что тамъ нужно добывать себѣ пищу и что туда идутъ безразлично и праведники, и грѣшники. Остяки кладутъ, какъ я сказалъ, покойнаго ногами на Сѣверъ, чтобъ ему легче было найти дорогу, идя по прямой линіи, какъ всталъ. Очевидно, они предполагаютъ, что покойникъ можетъ и заблудиться и между прочимъ бродить около жилища своихъ родныхъ; а этого Остяки «бѣда не терпятъ».

На могилѣ опять повторяется церемонія исканія грѣховъ.

Могилы не копаютъ, а ставятъ гробъ прямо на землю. Надъ нимъ устраиваютъ досчатый амбарчикъ и въ него (въ пространство между гробомъ и крышей амбара) втискиваютъ оставшееся имущество—одежду. При этомъ обрываютъ завязки у ягусекъ (верхняя зимняя одежда въ родѣ шубы—съ двойнымъ мѣхомъ внутри и снаружи, какъ у дохи). Мѣхъ ягуски распарываютъ на двое. Внутри амбара кладутъ и такія вещи, которыя боятся дождя. Прочія вещи: котлы, горшки, лукъ, колокольчики кладутся возлѣ амбарчика на землѣ. При этомъ всѣ вещи насыпаются или пробиваются, чтобы сдѣлать ихъ негодными къ употребленію (чтобы не расхищали русскіе или зыряне—Остяки не похитятъ, потому грѣхъ). Амбарчики не болѣе аршина вышиной. Узнать сгнѣтое кладбище легко по этимъ амбарчикамъ и по множеству пробитыхъ заржавѣвшихъ котловъ, которые тамъ и сѣмъ торчатъ изъ мха и подъ кустами. Я иногда пользовался этими котлами при собираніи грибовъ, когда корина была полна, такъ-что больше некуда было класть. А хорошіе березовики и подосиновики попадаютъ на остяцкихъ кладбищахъ! Съ обѣихъ концовъ амбарчика вколачиваются столбики, къ которымъ укрѣпляется сверху шесть, служащій связью. На шесть привязываются колокольчики по числу покойниковъ. Если у покойнаго были олени, то тутъ-же бросаютъ и сломанную нарту и шесть оленій. Если послѣ покойнаго остаются вдова или вдовецъ, то на гробъ кладутъ половину полога и половину покрывки чума. Почему половина? Не намекъ-ли это на существовавшее раньше единобрачіе (хотя о немъ не слыхать и нѣтъ вообще никакихъ данныхъ, чтобы оно раньше было).

Послѣ похоронъ устраиваютъ тутъ-же поминки. Нарѣжутъ сырого мяса и рыбы, и раздѣляютъ на три равныя части: одну часть богу Торымъ, другую поставятъ къ водѣ водяному духу (пинг куллъ), а третью часть—покойнику. Здѣсь такимъ образомъ Торымъ является какъ божество не чуждое нѣкоторыхъ человѣческихъ потребностей наряду съ прочими второстепенными божествами въ родѣ пинг кулла. Стало-быть Торымъ просто primus inter pares. Хотя, опять повторю, изъ распросовъ, Торымъ обрисовывался чаще всего какъ богъ совершенно чуждый всего земного—близко подходящій къ монотеистическому пониманію. Пища постоитъ около четверти часа—этого времени считается достаточнымъ для насыщенія боговъ и покойника. Такъ-какъ они, очевидно ѣдятъ въ приглядку, то этого времени конечно вполне достаточно. Затѣмъ эти припошенія ѣдятъ родственники покойнаго и вообще участвующіе на поминкахъ. При этомъ—старикъ и старуха, ѣдятъ отъ покойника, молодые мужчины отъ Торыма, а молодые женщины ѣдятъ отъ водяного (пинг куллъ). Поѣдятъ сырого, потомъ варятъ и тоже дѣлятъ на части, какъ и сырое. Выпиваютъ и водки. Затѣмъ пьютъ чай. Чай богамъ не ставятъ, а только покойнику нальютъ одну чашку и поставятъ съ прикусой. Это по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что въ настоящее время религіозныя воззрѣнія Остяковъ прогрессировали по направленію къ монотеизму. Чай вошелъ въ употребленіе у нихъ сравнительно недавно, и они порѣшили, что современные, болѣе

¹⁾ Этимъ словомъ я перевожу остяцкое названіе абрасъ. Мѣстное русское населеніе называетъ группу Остяковъ одной фамиліи обмкновенно «ватагой» или нерѣдко «артелью».

идеальные боги могут обходиться и безъ этого напитка. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ относительно воды, какъ продукта тоже сравнительно недавняго, хотя конечно болѣе древняго для Остяковъ, чѣмъ чай. Къ сожалѣнію, не могу теперь припомнить въ точности, подносятъ-ли воду богамъ или нѣтъ на поминкахъ. Вѣришь, что подносятъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ несомнѣнно подносятъ и даже не только своимъ богамъ, но и христіанскому. Я какъ-то видѣлъ слѣдующую сценку: на травѣ около церкви сидѣло нѣсколько Остяковъ и пили. Одна старуха взяла бутылку, подошла къ церкви и стала кланяться и креститься, время отъ времени отливая изъ бутылки на землю. Поминки повторяются черезъ каждый мѣсяцъ (лунный), по мужинѣ въ продолженіе 5-ти мѣс., а по женщинѣ—4-хъ.

Послѣ похоронъ имени покойнаго называть нельзя. Если у кого-либо изъ живыхъ родственниковъ тоже имя, то переимѣняютъ, хотя-бы онъ былъ крещеный.

На память о покойномъ дѣлаютъ куклу. Ее дѣлаютъ женщины до выноса гроба изъ дому изъ прутьевъ, вмѣсто головы берется пѣговица. Величина куклы не болѣе четверти аршина. Ее одѣваютъ по сезону—лѣтомъ легко, зимой въ мѣховой нарядъ: ягушку. Ягушку для куклы шьютъ совершенно такую же, какъ и настоящую, только въ миньютурѣ; вышиваютъ еще цвѣтнымъ сукномъ. Каждое утро куклу одѣваютъ, даютъ ей воды умываться, отлщъ¹⁾ утираться; даютъ ей чашку чая, пищи. Это продолжается 5 лѣтъ (Остяцкій годъ—нашему полугоду), если покойникъ мужчина и 4 года, если женщина; значить 2½ и 2 года по нашему календарю. По истеченіи этого срока куклу бросаютъ подъ амбарчикъ, гдѣ тѣло покойнаго.

Трауръ состоитъ въ томъ, что родственники покойнаго снимаютъ съ себя пояса и подвязки пимовъ. Если умеръ мужчина, то срокъ траура: 5 мѣсяцевъ безъ подвязокъ и 5 дней безъ поясовъ, если—женщина, то 4 мѣсяца безъ подвязокъ и 4 дня безъ поясовъ. Объясняютъ Остяки этотъ обычай тѣмъ, что тогда покойный чувствуетъ себя легче, свободнѣе.

Во время траура, а особенно въ первые дни нельзя смѣяться и громко говорить. Поэтому при ворожбѣ на похоронахъ (исканіе грѣховъ) шаманы никогда не употребляютъ своего бубна (пеньзьяръ). Всякій шумъ при похоронахъ запрещается остяцкимъ обычаемъ. Нѣтъ у нихъ и причитаній, даже вопросы покойному относительно его грѣховъ дѣлаются про себя.

Изъ изложеннаго ясно видно, что остяцкая религія безусловно признаетъ существованіе загробнаго міра. Но далеко не всѣ Остяки въ него вѣруютъ. Часто встрѣчаются между ними рационалисты, которые говорятъ, что не знаютъ, что съ ними будетъ послѣ смерти Г. Р. сляковъ (сотрудникъ мой по составленію словаря и грамматики остяцкаго языка), видѣлъ даже такого Остяка, который съ увѣренностью говорилъ, что съ его смертью все кончится и никакой загробной жизни не будетъ. И такихъ конечно не одинъ человѣкъ.

Вообще при изученіи религіозныхъ и другихъ понятій даннаго племени слѣдуетъ всегда различать современные понятія отъ тѣхъ, которыя только отражаются въ обрядахъ и отражаются только въ видѣ пережитковъ.

Исслѣдованія обрядовъ и обычаевъ строго говоря можетъ имѣть только историческое значеніе; такъ, изъ погребальныхъ обрядовъ Остяковъ мы несомнѣнно убѣждаемся, что когда-то вѣра въ загробный міръ была фактомъ всенароднаго убѣжденія. Но такъ-ли это теперь—сказать нельзя. Для рѣшенія этого вопроса единственный методъ—статистическое исслѣдованіе, если таковое возможно и удобно. Но такъ какъ подобное исслѣдованіе (поголовный опросъ) очень затруднительно, а въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какъ религіозныя, даже крайне неудобны и невольнительны, (съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣть) то единственное, что остается—это отзвѣты мѣстныхъ уроженцевъ, систематически изъ году въ годъ ведущихъ наблюденія этно-

¹⁾ Отлщъ—тонкія древесныя стружки, которыя замѣняютъ Остякамъ полотенца для утиранья рукъ и лица.

графическаго характера. Конечно трудно найти въ глухой окраинѣ людей, предавшихъ наукѣ, но при извѣстномъ желаніи—можно. Относительно Обдорска я могу сказать, что тамъ есть три-четыре человека, интересующихся вопросами мѣстной этнографіи и готовыхъ собирать матеріалы. Эти лица много помогли мнѣ при изученіи остяцкихъ обычаевъ и языка, въ частности-же свѣдѣніями о погребальныхъ обычаяхъ я обязанъ главнымъ образомъ Обдорскому рыбопромышленнику Алексѣю Никитичу Чупрову.

В. Бартевев.

Народонаселеніе Австро-Венгріи.

Къ настоящему году въ двойственной монархіи находилось 43.680,000 жителей. По народностямъ они раздѣляются на Нѣмцевъ—10.960,000, Чехославянъ (т. е. Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ)—7.777,000, Мадыаръ—7.507,000, Сербо-Хорватовъ—4.879,000, Поляковъ—3.900,000, Русскихъ—3.668,000, Румынъ—2.940,000, Словѣнцевъ—1.325,000 и Итальянцевъ—729,000.

Въ нѣмецко-славянской половинѣ двойной монархіи (собственно Австріи или Цислейтаніи)—24.580,000 жителей.

Въ Цислейтаніи—Нѣмцевъ—8.840,000, Чехославянъ—5.720,000, Поляковъ—3.900,000 (съ галицкими евреями), Русскихъ—3.278,700, Словѣнцевъ—1.230,000, Итальянцевъ—708,000, Сербо-Хорватовъ (въ Истріи и Далмациі)—679,000, Румынъ (въ Истріи и Буковинѣ)—218,000 и Мадыаръ (въ Буковинѣ)—8,000.

Въ мадыарско-славянско-румынской половинѣ двойной монархіи, т. е. въ Венгерскомъ королевствѣ или Транслейтаніи—19.003,300 жителей.

Въ Транслейтаніи—Мадыаръ—7.499,000, Сербохорватовъ—4.100,000, Румынъ—2.722,000, Нѣмцевъ—2.120,000, Словаковъ—2.057,000, Русскихъ—389,300, Словѣнцевъ—95,000, Итальянцевъ—21,000.

Евреевъ (по вѣроисповѣданію, по народности или языку, они приписываются обыкновенно къ господствующей и привилегированной въ краѣ народности: къ Нѣмцамъ, къ Полякамъ, къ Мадыарамъ) въ Австро-Венгріи—1.920,000. Въ Цислейтаніи (Австріи) Евреевъ—1.176,000, изъ нихъ до 700,000 въ Галиціи приписано къ Полякамъ, а остальные $\frac{1}{2}$ милліона въ другихъ цислейтанскихъ земляхъ къ Нѣмцамъ; въ Транслейтаніи Евреевъ—723,000. Если отнять отъ цислейтанскихъ Нѣмцевъ до $\frac{1}{2}$ милліона Евреевъ, то получимъ Нѣмцевъ въ Цислейтаніи—8.330,000, а въ Транслейтаніи Мадыаръ—6.776,000. Такимъ образомъ, прибавляетъ одинъ славянскій журналъ, выходитъ, что 8.400,000 съ небольшимъ господствуютъ въ Цислейтаніи надъ 16.916,000 не Нѣмцевъ, изъ коихъ—14.807,700 Славянъ. Въ Венгріи—7.499,000 или по отчисленіи отъ Мадыаръ Евреевъ 6.776,000 Мадыаръ господствуютъ надъ 8.545,000 не-Мадыаръ, изъ коихъ 6.641,000 Славянъ.

Приведа эти цифры, одинъ славянскій журналъ въ заключеніе замѣтилъ: въ итогѣ-же, въ Австро-Венгріи $16\frac{1}{2}$ милл. Нѣмцевъ и Мадыаръ господствуютъ надъ 27 милл. слишкомъ не-Нѣмцевъ и не-Мадыаръ, изъ коихъ $21\frac{1}{2}$ милл. однихъ Славянъ.

Прибавимъ, что эту печальную этнографическую загадку не мудроно разгадать: Нѣмцы въ Австро-Венгріи хотя и не говорятъ однимъ нарѣчіемъ и принадлежатъ къ разнымъ племенамъ (Stämme), дорожатъ и пишутъ однимъ языкомъ и имѣютъ богатую литературу и образованность, постепенно обогащаемую 50-ти милліоннымъ нѣмецкимъ народомъ, а Мадыары въ теченіи двухъ сотъ слишкомъ лѣтъ боролись съ Вѣною, возставали противъ Габсбурговъ, соединялись противъ нихъ съ Турками, Фран-